

«Я не знаю, что они могут сделать»

Две истории из жизни «несогласных» школьников в современной России

Петр Саруханов / «Новая газета»

07:10, 22 апреля 2024,

Ирина Лукьянова

учитель, обозреватель «Новой»

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

Ни мамы, ни школы, ни сами дети не очень хотят делиться своими историями с прессой. Они ничего хорошего не ждут от огласки — только ухудшения ситуации. Поэтому свои истории они рассказывают лишь при условии не называть никаких деталей, по которым можно узнать ребенка и его школу. Просто потому, что детей хочется защитить от того, что с ними делают, — и тем более от того, что еще могут сделать. «А что они мне могут сделать?» — спросила я однажды своих родителей, которые пытались мне запретить какую-то активность, когда я училась на первом курсе, а на дворе шли первые годы перестройки. И мама очень серьезно ответила: «Я не знаю, что они могут сделать. И это самое страшное». Наше поколение было избавлено от страха за себя и своих детей, пока они были несовершеннолетними; к нынешним родителям вернулся страх наших мам. Так что все имена изменены, а номеров школ и названий городов не будет. Я не готова быть храброй за счет чужих детей.

Вы ко мне писали...

История первая. Тринадцатилетняя Лиза пришла домой и принесла бланк «письма солдату»: классная руководительница велела за каникулы написать письмо и принести. Теперь письма солдату пишут не на простых тетрадных листочках, а на специальных, типографским способом отпечатанных бланках. Не то считается, что солдаты больше обрадуются казенному бланку, не то детишки так криво-косо рвут эти листочки, что чиновникам неловко их отправлять.

«Велели написать текст от себя, — рассказывает Катя, мама Лизы. — Сначала я прооралась внутри и спокойно сказала: «нет, ты не будешь писать никакие письма на фронт». Лиза порвала листок и объяснила в школе, что собака бланк сожрала. Потом она принесла из школы еще один бланк. И сказала, что всем, кто не написал, в обязательном порядке велели написать

письмо. В этот раз я прооралась голосом и объяснила, почему Лиза не будет писать никакие письма на фронт. Она сказала: «Мама, меня наругают. Давай я просто спишу любое письмо из интернета!»

Катя сказала, что категорически против, чтобы под письмом стояли имя и фамилия дочери — и написала классному руководителю, что ее ребенок не будет писать письма на фронт, никакие и никогда. «Да, конечно, пусть не пишет. Это по желанию», — откликнулась классная руководительница. Тут в голову лезут дурацкие анекдоты: от «а что, так можно было?» до «понял, вычеркиваю». Чего же тогда бояться?

«Мы точно на крючке, — смеется Катя. — К непосещению «Разговоров о важном» добавился еще один пункт».

А в школе еще учиться и учиться. Но, кажется, как тут можно навредить ребенку? «Я не знаю, что они могут сделать. И это самое страшное», как говорила моя мама.

Валерий Фадеев. Фото: Михаил Сеницын / ТАСС

Ну вот недавно, к примеру, глава СПЧ Валерий Фадеев **предложил** снимать с выпускников баллы при поступлении за плохое поведение — кто помешает принять эту инициативу?

И кто помешает счесть «плохим поведением» недостаточную лояльность власти, если она давным-давно становится поводом для административного и уголовного преследования?

Кто помешает и вовсе закрыть доступ к высшему образованию? Да и недавняя инициатива изымать из семьи на 45 суток и помещать в центры временного содержания несовершеннолетних «рецидивистов-правонарушителей» (один привод за пацифик на рюкзаке, второй — за цветы Навальному,

например) тоже храбрости родителям не придает.

Другие мамы девочек-подростков высказывают совсем уж мрачные опасения. Взрослым, заигравшимся в Великую Отечественную войну, кажется очень трогательной и романтичной ситуация, в которой юная девушка, еще школьница, шлет молодому бойцу чистые, нежные, от сердца идущие пожелания вернуться с победой. Но в нынешние времена это «письмо солдату» с большой вероятностью попадет в руки не вчерашнему школьнику, а совсем другому человеку. Среди них есть люди, осужденные за убийство или изнасилование. А школы принуждают детей вступать с ними в переписку и предоставляют личные данные: Маша Иванова, ученица 8-го «Б» класса средней общеобразовательной школы номер такой-то, город, область. Приходи и спрашивай: «Вы ко мне писали? Не отпирайтесь, я прочел души доверчивой признанья». Что будет дальше? — бог знает. «Я не знаю, что они могут сделать. И это самое страшное».

В целях формирования мировоззрения

История вторая. В одном большом российском городе 16 февраля этого года десятиклассник Сергей был задержан у местного памятника жертвам репрессий «за участие в несанкционированной акции». Полиция направила его дело в Комиссию по делам несовершеннолетних. Раньше такие дела кончались просто тем, что родителей штрафовали по статье 5.35 КоАП — «неисполнение родительских обязанностей». А некоторых молодых людей ставили на учет в инспекции по делам несовершеннолетних. Но нынче система всерьез взялась за воспитание оппозиционно настроенного юношества.

Фото: Сергей Карпухин / ТАСС

В нашем случае креативная КДН штрафом не ограничилась. Она потребовала от районного центра «Семья» (это сеть государственных центров помощи семьям в трудной ситуации или со сложными детьми) разработать в сотрудничестве со школой и органами МВД «индивидуально-профилактическую программу» работы с Сергеем. МВД при этом должно разъяснить юноше правовые последствия участия в «публичных мероприятиях, организованных и проводимых в нарушение законом порядка». А школа должна *(так написано в постановлении черным по белому)* «... с целью воспитания, организации досуга несовершеннолетнего и формирования его мировоззрения на основе традиционных российских духовных и нравственных ценностей, оказать содействие во включении <ФИО> в состав членов РДДМ «Движение первых»» (орфография и пунктуация постановления КДН сохранены. — И. Л.).

Доселе, кажется, ничего подобного в правовой практике современной России не встречалось — только в нашем

советском детстве школам рекомендовали вовлекать трудных детей в работу пионерской организации. Но даже тогда никто не загонял в комсомол по требованию КДН старшеклассников, привлекаемых по административным статьям.

С точки зрения закона предъявленное к школе **требование** довольно сомнительно:

Федеральный закон № 261-ФЗ «О российском движении детей и молодежи» в своей 3-й статье «Основные принципы деятельности Движения» самым первым принципом называет «добровольность участия в Движении».

Но, по-видимому, в ближайшем будущем оно должно стать и местом перековки трудных подростков с несформированным мировоззрением и склонностью к правонарушениям.

Ужасная комедия

«Невоспитанный» Сергей, чье мировоззрение, по мнению КДН, нуждается в формировании на основе традиционных российских духовных и нравственных ценностей, кажется мне немножко похожим на Петрушу Гринева — каким я его себе представляю. У него уютная улыбка и грамотная речь начитанного мальчика из интеллигентной семьи. И за этим всем — какая-то спокойная, взрослая твердость.

«Это человек надежный, цельный, сложившийся вполне. Я его знаю с 2017 года, он уже тогда был взрослым, — говорит его педагог Марина (имя тоже изменено). — Я не боюсь назвать свое имя, но по моему имени можно опознать Сережу, а семья уже

устала от этих судов и комиссий, им не нужно лишнее внимание».

Владимир Путин после заседания Наблюдательного совета общероссийского общественно-государственного движения детей и молодежи «Движение Первых». Фото: Анатолий Жданов / Коммерсантъ

«К нам домой несколько раз ходили сотрудники центра «Семья», спрашивали о самой ситуации, моей жизни, учебе в школе, досуге, круге общения, семейном благополучии и прочем, — говорит сам Сергей. — Было также несколько профбесед в школе. Они прошли довольно мирно: со мной говорили о том, чтобы я больше не подставлялся, о правилах поведения в местах больших скоплений людей, о моих взглядах и прочем. Скоро также должна начаться серия профбесед в ОМВД, но я пока мало об этом знаю. От школы просят, чтобы она поспособствовала моему вступлению в «Движение первых» (не знаю, в рекомендательной или приказной форме). Кто просит, я также не знаю — это либо районная управа, либо ОМВД. Со мной беседовал сотрудник школы (тоже мирно и с

пониманием), сказал, что надо вступить. Мне дали некоторое время подумать и выбрать наиболее приятные и наименее времязатратные активности «Движения первых».

«Можно никуда всерьез не вступать, — комментирует это дело директор другой школы, тоже не желающий публичности. — И даже если он не вступит, ничего не случится ни с ним, ни со школой: школа подчиняется не комиссии по делам несовершеннолетних, а органам управления образованием, а у них нет никакого ресурса на проверки. Вся эта бурная деятельность в основном остается на бумаге. Так что и вступить можно на бумаге, выбрать что-нибудь наименее противное. И школа отчитается на бумаге, проверять никто не будет».

И вот тут я вдруг понимаю, о каких традиционных ценностях все это время идет речь.

«Меня снова привели к самозванцу и поставили перед ним на колени. Пугачев протянул мне жилистую свою руку. «Целуй руку, целуй руку!» — говорили около меня. Но я предпочел бы самую лютую казнь такому подлому унижению. «Батюшка Петр Андреич! — шептал Савельич, стоя за мною и толкая меня. — Не упрямясь! что тебе стоит? плюнь да поцелуй у злод... (тьфу!) поцелуй у него ручку». Я не шевелился. Пугачев опустил руку, сказав с усмешкою: «Его благородие, знать, одурел от радости. Подымите его!» Меня подняли и оставили на свободе. Я стал смотреть на продолжение ужасной комедии».

Участники съезда Российского движения детей и молодежи «Движение первых». Фото: Валерий Шарифулин / ТАСС

И точно.

«Я считаю, что мое дело — это цирк, очень грустный и нелепый, — говорит Сергей. Думаю, что относиться к нему надо с долей юмора, чтобы не погрязнуть во всем этом болоте. Безмерно благодарен всем, кто поддерживает меня в это тяжелое время».

Ужасная комедия. Грустный и нелепый цирк.

Пару лет назад мне довелось помогать выручать из кутузки попавшую туда старшеклассницу с активной жизненной позицией. Попала она туда, как водится, не то за надпись на футболке, не то за значок с пацификом — словом, за «участие в несанкционированной публичной акции». Ситуация была сложная, взрослые люди побросали свои дела, метались, обрывали телефоны, пили таблетки от давления и сердечные лекарства. И когда все это улеглось, мне очень хотелось

оторвать этой юной пассионарии уши. И передать через общих знакомых, что в следующий раз, как ей захочется продемонстрировать полицейскому патрулю активную жизненную позицию, я уже не буду впрягаться. Потом задумалась.

Нет, я не вижу, где золотая середина между парализующим страхом за свое дитя — «я не знаю, что они могут сделать» — и собственной позицией, требующей не целовать ручек злодею. И никогда не кину камень в своих героев, которые требуют не называть имя, город, школу, не публиковать скриншотов даже с замазанными строчками (кстати, скриншоты постановления КДН есть в распоряжении редакции). И выводов тоже никаких не будет.

...Но какая же, должно быть, прекрасная организация «Движение первых», если туда попадают по решению комиссии по делам несовершеннолетних!

Фото: Илья Московец / URA.RU / ТАСС

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[«Школа сейчас – сплошной Хармс. Но детям идеология не страшна»](#)

Как меняется российское среднее образование, рассказывает Дмитрий Шноль, он уехал из страны и теперь директор школы в Ташкенте

15:19, 28 марта 2024, Ирина Лукьянова

[Шевкунов вместо Шаламова](#)

Из программы по литературе исчезли тексты о репрессиях, зато появился «скрепный» трактат. Для паники повода нет

18:36, 19 апреля 2024, Ирина Лукьянова